

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-2-12-114-127
EDN: XBGEWA

**Русскоязычный литератор в социокультурных коллизиях XX-XXI вв.:
литературная диаспоральность как культурный тренд**

Ермолин Евгений Анатольевич

Доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой журналистики и медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль.
ox-eye2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9249-4551>

Аннотация. Статья посвящена трансформации статуса и приоритетов русскоязычного литератора, находящего себя в диаспоре. Культурным лоном литературы на русском языке исходно была историческая Россия в пределах российской государственности. В XX веке эта литература разделилась на литературу метрополии и литературу русскоязычной диаспоры. С конца XX века вследствие историко-политических пертурбаций русскоязычная литература создается в разных странах мира, являясь результатом не только миграций литераторов, но и автономных литературных процессов в этих регионах и странах. Причем можно говорить как о глобальных коммуникациях в русскоязычной мировой сфере, так и о существовании локальных русскоязычных литературных сообществ. Литература создаётся русскоязычным литератором на разной культурной почве, она приобретает специфические черты в зависимости от этой почвы, но и в сопряжении с воспоминаниями о русской литературной традиции и мировыми литературными трендами. Предметом исследования является не диаспоральное сообщество как таковое, а историко-культурная ситуация, когда русскоязычная словесность, исходно базировавшаяся главным образом в определенных государственных границах, выходит за их пределы и существует независимо от тех государственных институций, которые традиционно с нею так или иначе связывались. В статье характеризуется культурный феномен диаспоры как «этническая маргинальность», этнокультурная общность, функционирующая в

иноэтническом контексте, рассматриваются основные историко-культурные этапы соотношения метрополии и диаспоры. Особое внимание уделяется кризисной творческой ситуации писателя, который, оказавшись в чуждой социокультурной среде, обретал особый кросскультурный писательский опыт как состояние и творческую рефлексию, вызванные сменой среды и потерей привычных, обычных для некогда усвоенной культуры ценностных ориентиров, в разной мере успешным поиском ответа на вопросы о своей идентичности, когда прежний опыт становился атрибутом памяти и рефлексии.

Ключевые слова: историко-культурная почва; русская культура; русскоязычный литератор; культурная диаспоральность; русскоязычные литературные сообщества; метрополия; кросскультурный писательский опыт

Для цитирования: Ермолин Е. А. Русскоязычный литератор в социокультурных коллизиях XX-XXI вв.: литературная диаспоральность как культурный тренд // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 114-127. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-114-127>. <https://elibrary.ru/xbgewa>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

The Russian-speaking writer in the socio-cultural collisions of the XX-XXI centuries: literary diasporality as a cultural trend

Evgeny A. Ermolin

Doctor of pedagogical sciences, candidate of art criticism, professor, head of the department of journalism and media communications, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
ox-eye2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9249-4551>

Abstract. The article deals with the transformation of the status and priorities of Russian-speaking writers who find themselves in a diaspora. The cultural background of literature in Russian was originally historical Russia within the Russian statehood. In the 20th century, this literature divided into the literature of the metropolis and the literature of the Russian-speaking diaspora. Since the end of the XX century, due to historical and political perturbations, literature in Russian is produced in different countries of the world, resulting not only from literary migrations, but also from autonomous literary processes in these regions and countries. It is possible to speak of both global communications in the Russian-speaking world and the existence of local Russian-speaking literary

Русскоязычный литератор в социокультурных коллизиях XX-XXI вв.: литературная диаспоральность как культурный тренд

communities. Literature is created by Russian-speaking writers on different cultural bases, it acquires specific features depending on this basis, but also in conjunction with memories of the Russian literary tradition and global literary trends. The subject of the study is not the diaspora community as such, but the historical and cultural situation in which Russian-language literature, originally based primarily within certain state boundaries, goes beyond them and exists independently of those state institutions that have traditionally been associated with it in one way or another. The article characterizes the cultural phenomenon of diaspora as “ethnic marginality”, an ethno-cultural community functioning in a non-ethnic context, and considers the main historical and cultural stages of the relationship between the metropolis and the diaspora. Particular attention is paid to the crisis situation in the writer's work. Being in an alien socio-cultural environment, the writer acquired a special cross-cultural writing experience as a condition and creative reflection, caused by a change of environment and the loss of the familiar, usual values of the native culture, and by questions about one's identity, when previous experiences became an attribute of memory and reflection.

Key words: historical and cultural basis; Russian culture; Russian-speaking writer; cultural diaspora; Russian-speaking literary communities; metropolitan area; cross-cultural writing experience

For citation: Ermolin E. A. The Russian-speaking writer in the socio-cultural collisions of the XX-XXI centuries: literary diasporality as a cultural trend. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 2(12):114-127. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-114-127>. <https://elibrary.ru/xbgewa>.

Введение

Традиционно (еще век с небольшим назад) литература на русском языке складывалась (по факту создания литературных текстов и/или их публикации) в основном в государственных пределах исторической России (Российской империи), включавшей в себя ряд независимых ныне стран. В XX веке ввиду разразившейся культурной катастрофы, оставившей историческую Россию за бортом современности, эта русскоязычная литература разделилась на литературу со-

ветской метрополии и беженскую литературу русскоязычной диаспоры, а затем, вследствие еще одного социокультурного переворота, и советская литература стала фактом истории.

Это создавало специфические обстоятельства существования литературы и литератора в контексте диаспоры. Понятие диаспоры мы рассматриваем в контексте современной научной рефлексии, как феномен рассеяния, «пребывание части народа <...> вне страны его происхождения при сохранении

чувства идентификации со своей родиной» [Диаспора]. Предметом нашего интереса является не диаспоральное сообщество как таковое, а историко-культурная ситуация, когда русскоязычная словесность, исходно базировавшаяся главным образом в определенных государственных границах, выходит за их пределы и существует независимо от тех государственных институций, которые традиционно с нею так или иначе связывались. Субъектом рассеяния в данном исследовании является литератор, пишущий на русском языке за пределами исходной государственности (исторической России, СССР, постсоветской России), которая определяла ареал русскоязычной словесности.

Диаспоральность в самом общем смысле трактуется «как теоретический конструкт, фиксирующий существенные признаки, характерные для этнокультурной общности, функционирующей в иноэтничном контексте» [Расолько, 2012, с. 126]. Это особое состояние, ментальность адаптации, «этническая маргинальность», специфическое качество общности, обеспечивающее ее существование как неассимилированной диаспоры [Ким, 2008, с. 160]. Общность может иметь разные выражения (например, характерные политические предпочтения, экономическое сотрудничество и т. п.); для нас же важен случай, когда она фиксируется в связи с наличием литературы на русском

языке. Это литературная диаспоральность.

По мнению Ж. Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой, необходимым условием наличия диаспоры выступает присутствие институтов, направленных на сохранение «основных или важных характеристик национальной самобытности» [Тощенко, 1996, с. 36]. Предварительно мы исходим из того, что важнейшим институтом такого рода являются русский язык и русская литература. Однако в итоге культурная ситуация складывается, очевидно, более разнообразно и противоречиво.

Метрополия и диаспора

Литература на русском языке в лоне сложившейся традиции существовала в имперском пространстве, где в литературе доминировал русский язык, то есть литература создавалась в основном на русском языке и русский язык воспринимался как основной язык культуры. Даже если писатель долгое время жил или создавал свои произведения за границей, печатал он их чаще всего в России (Гоголь, Тургенев, Гончаров и мн. др.) и прежде всего для российского читателя, хотя случались, конечно, интересные исключения (Герцен). XX век дважды изменил эту картину. Эта почва в XX веке ушла из-под ног.

Сначала русскоязычная литература разделилась на литературу советской метрополии и беженскую литературу русскоязычной диаспо-

ры. Первая в свою очередь образовала культурное пространство, поляризованное литературой заведомо подцензурной – и литературой радикально бесцензурной, обладавшей признаками диаспоральности и связанной с явлением внутренней эмиграции. Жившие в СССР писатели тяготели к тому или к другому из этих полюсов.

При этом возникала ситуация отчасти парадоксальная. Создаваемая в СССР в легальных цензурных рамках литература метрополии не вполне уверенно, особенно поначалу, артикулировала свою преемственность по отношению к предшествующей, досоветской русской литературе и культуре в целом и хотела даже претендовать на сугубую оригинальность. Литературный официоз заявлялся на соучастие или даже лидерство в культурной революции, целью которой было создание новой цивилизации, по отношению к данной задаче русскоязычный характер новой словесности выглядел случайной и второстепенной частностью, а вопрос преемственности игнорировался.

Литературный официоз заявлялся на соучастие или даже лидерство в культурной революции, целью которой было создание новой цивилизации, по отношению к данной задаче русскоязычный характер новой словесности выглядел случайной и второстепенной частностью, а вопрос преемственности игнорировался.

Кроме того, подцензурная русскоязычная советская литература создавалась и писателями, связанными с иными национальными традициями, обладателями и носителями далекого от русской культуры багажа и опыта; они выбирали между «своим по рождению» языком и русским – и делали выбор в пользу русского, рассчитывая, в частности, и на расширение чита-

тельской аудитории. Все это в совокупности образует ареал официально признанной советской литературы на русском языке.

«Советский русский язык» это отдельный вопрос; в рамках данного исследования мы исходим из того, что различные изменения все-таки не привели к принципиально иному качеству языка и к полному его переформированию; советская «засуха» не иссушила «могучую и полноводную реку русского языка» [Фесенко, 1955, с. 209], в том числе в пределах литературы.

Бесцензурная же словесность в СССР, являвшаяся элементом культуры андеграунда, подчас довольно решительно дистанцировалась от актуального культурного официоза, государственного аппарата и общественного статус кво, иной раз не нуждаясь даже в советском, заведомо чуждом ей читателе (Кржижановский). Она часто гораздо острее фиксировала свою преемственную связь с историческими традициями русской культуры и литературы, хотя со временем потребность в такой фиксации и ослабевала.

Литературные официоз и андеграунд в пространстве СССР были по-разному связаны между собой, но литературная метрополия с внесоветской диаспорой имели взаимные связи. Тщательная рефлексия этих мостов – отдельная задача.

Русскоязычная литература диаспоры в XX веке формировалась в контексте нескольких волн эмигра-

пии из советской России и СССР, а затем и из постсоветской России.

Для ее существования нужен был как минимум автор, творец литературного текста. Писатель-беглец выпадал из своей привычной среды существования. Автор, усвоенной привычкой (культурным багажом) которого являлась так или иначе обжитая культура российской исторической традиции (включая русскую литературную классику), оказывался в критической творческой ситуации. Это могло означать, по М. А. Фадеичевой, «отрыв и рассеяние отдельного человека не по отношению к “его народу”, а к его родине» [Фадеичева, 2004, с. 147]. Происходила не только смена среды обитания в житейском смысле. Миграция из русскоязычного ареала (причем часто в относительно зрелые годы) проблематизировала саму авторскую установку думать и писать по-русски. В связи с этим менялся предмет творчества, менялись идейные акценты. Оказавшись в чуждой социокультурной среде, писатель обретал особый кросскультурный писательский опыт как состояние и творческую рефлексию, вызванные сменой среды и потерей привычных, обычных для некогда усвоенной культуры ценностных ориентиров, в разной мере успешным поиском ответа на вопросы о своей идентичности. А прежний опыт становился атрибутом памяти и рефлексии.

Двумя другими факторами, поддерживающими в XX веке это су-

ществование русскоязычной словесности, являлись литературная инфраструктура (редакции, издательства, типографии) и читательская аудитория в пределах досягаемости печатных текстов. Писатель, издатель-типограф и читатель – взаимно комплиментарный трехчлен, обеспечивающий литературную жизнь. Литератор находил себя в социально-политической и социально-культурной ловушке, обнаруживая, что русский язык и русская литература перестают доминировать и получать преференции, а круг русскоязычных читателей или исходно невелик, или хронически сокращается.

Литература диаспоры, фатально оторвавшись от родной исторической почвы, поначалу все-таки связывала себя с исторической Россией, а потому претендовала на культурное самоутверждение в качестве некоей трансграничной русской (русскоязычной) сущности, формирующейся и бытующей везде, от Харбина на востоке до Сан-Франциско и Буэнос-Айреса на западе. Она, однако, с трудом выходила за пределы беженского круга авторов и читателей, образовывавших иногда геттоизированные русскоязычные культурные анклавные (с издательствами, типографиями, клубами, прессой и т. п.), а иногда довольствовавшихся одиноким присутствием в инокультурной, но все-таки более толерантной, чем советская среда. Лишь изредка русскоязычные авторы-мигранты всту-

пали в сколько-то продуктивный диалог с автохтонной культурной и литературной средой по месту своего фактического проживания (Набоков) [Век диаспоры, 2021] [Русский Монпарнас, 2017].

Конечно, был (и есть) широкий диапазон возможностей. Во-первых, многое зависело от динамики русскоязычной культурной читающей среды: она когда-то была, к примеру, в Харбине, Берлине, Париже и Праге, была и имеется в мегаполисах США и Израиле – там сейчас довольно многочисленная и активно читающая русскоязычная публика. Ее было крайне мало во многих других регионах мира. Во-вторых, по-разному складывается судьба локальных русскоязычных литературных сообществ в зависимости не только от глобальных трендов, но и от личных обстоятельств.

Отметим, что уже в 30-х гг. многие русскоязычные литераторы-эмигранты, особенно молодые, предпочитали жить напряжениями текущего момента. У них нередко отсутствовала рефлексия по утраченному миру. Они зачастую лишены органической связи с культурно-исторической традицией, с памятью места, которая сама по себе весьма проблематизирована и стала предметом факультативного выбора и отбора в стране проживания. Их утраты и обретения артикулировались в иных ментальных пространствах непосредственного опыта, социального и экзистенциального.

Вторая, и особенно третья волна русскоязычной литературной диаспоры оказалась в специфической культурной ситуации. Эти литераторы лишь отчасти могли связывать себя с исторической Россией, личный опыт которой у них, как правило, отсутствовал или присутствовал разве что в отдаленных детских воспоминаниях. Им сложнее было мысленно припадать к этой полностью лишенной вещественности почве – и легче попросту ею пренебречь и жить своим актуальным чувством жизни, пусть и делаясь им с читателем на русском языке, либо даже опираться прежде всего на свой советский стаж и соответствующий опыт.

В третьей волне 2-й половины XX века мог складываться причудливый микс исторических фантазий, советского опыта официоза и андеграунда, непосредственного переживания мигрантской жизни и, подчас, коммуникаций с литераторами первых двух волн, с одной стороны, и, с другой стороны, с местной иноязычной литературной средой «где-то в Бостоне», «однажды в Хайфе». Но это не обязательно означало ассимиляцию, в иноязычной среде писатель сохранял русский язык как свой рабочий инструмент. Почвой иногда остается для него сам язык как средство артикуляции мыслей и чувств. В характерном духе об этом говорил, например, русскоязычный поэт Даниил Чкония (Германия): «Эмиграция обостряет чувство языка. Нахо-

дятся в определенной степени в поле чужого языка, вы с большей интенсивностью стараетесь в себе сохранить то, что вы увезли, то чувство языка, которое вам было присуще» [Русская диаспора ... , 2010]. Язык подчас становится последней родиной.

Диаспоральность как тренд

Огромные изменения в описанном ландшафте происходят в конце XX века. Теряет смысл деление литературы на официоз и андеграунд. Вследствие очередных историко-политических пертурбаций русскоязычная литература создается в разных частях света и странах мира. Распад СССР привел к тому, что русскоязычный литератор, не меняя места прописки, мог оказаться в одном из пятнадцати независимых государств, в каждом из которых культурный ландшафт складывался по-своему, вопрос об издателях и читателях литературы на русском языке получал разные ответы. Кроме того, он мог выбрать для жизни и писательства и иные края света, сохраняя верность русскому языку в творчестве. Контекст динамической глобализации, номадический акцент современной цивилизации мигрантов делают кросскультурный опыт все более распространенным и насущным [Толкачев, 2013]. Даже в постисторической, постсоветской России пишущий на русском языке литератор временами явно теряет «чувство почвы».

Литература на русском языке теперь является результатом не только труда старых эмигрантов и мигрировавших литераторов в конце прошлого века и в наше время, но и автономных литературных процессов в разных регионах и странах (когда автор не меняет прописки, подчас он и рожден там, где обитает, но пишет по-русски).

Поскольку теперь литература на русском языке создается на разной культурной почве, она приобретает специфические черты в зависимости от этой почвы, но и в сопряжении с воспоминаниями о русской литературной традиции и мировыми литературными трендами.

Граница в сознании и художественной практике и личный веер возможностей автоконцептуализации писателя задаются в наше время персонально. Важен и должен быть учтен этот персональный опыт, который довольно разнообразен. Он может быть по рождению хорошо укоренен в конкретной почве (Одесса, Ташкент, Вильнюс и пр.), а может быть связан с беженством и чувством изгнанничества. Авторы в поиске творческой и жизненной идентичности назначают себе разные культурные прописки, не всегда совпадающие с паспортным гражданством, но и не обязательно ассоциирующиеся с современной постсоветской Россией. Эти писатели различными способами интегрированы в местную, всякий раз разную культурную среду. Диалог с новой для писателя культур-

ной средой может остро протекать в самой предметности, в тематике – это отдельный предмет для размышлений (см.: [Ермолин, 2005]).

Яркие примеры такого рода – русскоязычная проза Александра Иличевского, Дины Рубиной и мн. др. (Израиль), Михаила Шишкина (Швейцария), Марины Палей (Нидерланды), Андрея Куркова, Алексея Никитина, Владимира Рафеевко (Украина), Владимира Каминера, Леонида Гиршовича (Германия), Максима Шраера (США), Сухбата Афлатуни (Узбекистан), Макс Фрай, Лены Элтанг (Литва), Хамида Исмаилова (Англия), русскоязычная поэзия США и Канады (Владимир Гандельсман, Бахыт Кенжеев), Украины (Александр Кабанов, Борис Херсонский, Ирина Евса, Наталья Бельченко и др.; Википедия сообщала, что в разных регионах Украины живут и работают более 100 поэтов, пишущих на русском языке), Узбекистана (Александр Файнберг, Санджар Янышев, Вадим Муратханов, Бах Ахмедов, Алексей Устименко, уже упомянутый Сухбат Афлатуни и др.), Литвы (Георгий Ефремов), Польши (Игорь Белов), наконец – трансграничная поэзия русскоязычных космополитов (Алексей Цветков, Александр Самарцев). Названные и многие другие авторы составляют прирастающее в сумме русскоязычное сообщество, которое, однако, далеко не всегда себя осознает какой-то связанной общностью, тем более что и литература в современной куль-

турной ситуации расходится по многим векторам и чуждается стремления к единству, метода, стиля и прочих целеполаганий [Чупринин, 2008].

В общественном контексте происходит осмысленный выбор культурной и/или социополитической прописки, определяющий часто и новое место жительства, и новые параметры творчества (например, в США, как у Кошкиной – Эпли). Возможна как автофиксация в качестве советского (антисоветского) писателя, исторического консерва, так и трансграничность как принцип. По поводу последнего варианта современные казахстанские исследователи утверждают: «Взаимодействия культур, сильно и качественно возросшие и углубившиеся во второй половине XX века, стали катализаторами многообразия художественных исканий, в том числе и формирования новой транскультурной литературы. Это хорошо видно на примере транснационального мышления большинства писателей мирового значения, таких как Салман Рушди, Орхан Памук, Иосиф Бродский, Владимир Набоков, Эми Тан, Кадзуо Исигуро и др., которых нельзя понять только с национальной или локальной точки зрения» [Женис, 2018].

Можно говорить как о глобальных коммуникациях в русскоязычной мировой сфере, так и о существовании локальных русскоязычных литературных сообществ. Атомарно существуют литераторы,

пишущие на русском языке, практически во всех странах, которые ранее были частями СССР. Формируются и в наше время уже существуют вполне автономные русскоязычные литературы Казахстана, Украины, Беларуси; возможно, также и стран Балтии, некоторых стран Центральной Азии. В этой связи русскоязычный американец Андрей Грицман заключает: «Нет одной единой русской литературы: имеется московская ситуация, израильская и т. п. <...> Интонация другая, звучание другое» [Эмигранты ... , 2010].

Так, русскоязычная литература Беларуси исходно сложилась в советском культурном пространстве, а теперь опирающаяся и на традицию двуязычной и русскоязычной прозы классиков второй половины XX века – Василя Быкова и Алеся Адамовича. Про ее авторов, включая нобелевского лауреата Светлану Алексиевич, не скажешь, что у них нет почвы. Их литературная повестка формируется в значительной мере исходя из культурной и общественной ситуации в стране. Дмитрий Строчев, Татьяна Замировская обычно осознают Беларусь, в которой жили или живут, своей родиной. У многих из них нет ощущения изгойства, отщепенства, хотя вопрос о языке творчества и самоопределении может дебатироваться (см. рассуждения об автопрописке Саши Филипенко [Филипенко, 2018]). Отметим, что у русскоязыч-

ных, русскоязычных авторов есть здесь и читательская аудитория.

Аналогичная ситуация и в Казахстане, где работают поэты Ербол Жумагул, Айгерим Тажи, Ксения Рогожникова, прозаики Бигельды Габдуллин, Михаил Земсков, Илья Одегов и др. По оценке казахстанских исследователей, «творчество русскоязычных казахстанских писателей и поэтов определяется как транскультурное художественное явление в контексте литературной традиции, сформированной в советскую эпоху» [Женис, 2018].

Локализация может быть связана с жанром, направленностью творчества. Так, русскоязычные украинские писатели-фантасты составляли в течение некоторого периода яркое литературное субкультурное комьюнити со столицей в Харькове, где проводился конвент любителей фантастики «Звёздный мост» и появлялась амбициозная проза (в частности, Генри Лайон Олди – Олег Ладыженский и Дмитрий Громов – и Марина и Сергей Дяченко были в 2006 году награждены премией Европейского сообщества научной фантастики как лучшие писатели-фантасты Европы).

Дискуссионным в последнее время является вопрос о судьбе в этом контексте русского литературного языка. В частности, речь идет о складывающихся разных вариантах этого языка (русский американский, русский израильский и т. п.), хотя так далеко процесс, возможно, еще не зашел. Но Андрей Грицман

характерным образом рассуждал еще в 2010 году: «Если ты живешь 20-30 лет в Израиле или в Америке, это имеет какое-то значение. Стихи пишутся на русском языке, но переменна среды играет роль. <...> Поэзия русской диаспоры дает что-то новое, во-первых, из-за того что среда другая, во-вторых, потому что, в плохом и в хорошем смысле, мы в отрыве одичали. Даже в Израиле одичали» [Русская диаспора ... , 2010].

Единый языковой стандарт часто не воспринимается как необходимое требование писательского мастерства, а отклонения от языковой нормы не считаются недостат-

ком, с которым нельзя примириться. Напротив, они рассматриваются как творческий источник [Hogner, 2011]. Возникает движение к нередкой в современном мировом контексте гибридизации культур и стилей, которая ведет к созданию «мультилингвистических, поливокальных, вариативно фокусных, интертекстуальных, мультиакцентированных текстов» [Bromley, 2000, с. 10].

В итоге этих процессов складывается специфический культурный тренд: литература на русском языке становится или даже уже стала литературой диаспор.

Библиографический список

1. Век диаспоры. Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020). Сборник статей. Москва : НЛО, 2021. 336 с.
2. Диаспора // Социологический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/social/%D0%94%D0%98%D0%90%D0%A1%D0%9F%D0%9E%D0%A0%D0%90> (дата обращения: 24.05.2022).
3. Ермолин Е. В тени Набокова. Беспощадное отчаяние // Новый мир. 2005. №10. С. 166-174.
4. Ермолин Е. А. Современный кросскультурный писательский опыт в контексте глобализации // Проблема изгнания: русский и американский контексты. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. С. 94-99.
5. Женис Н. Транскультурный подход в рамках изучения национальной литературы // Вестник КазНУ. Филология. 2018 / Н. Женис, Ж.К. Кыбынова. URL: <https://articlekz.com/article/23746> (дата обращения: 24.05.2022).
6. Ким А. С. Этномаргинальность диаспор: социологические и культурологические основания политического исследования // Вестник ТОГУ. 2008. №3. С. 151-162.
7. Расолько И. Д. Перспективы применения понятий «диаспора» и «диаспоральность» в социологическом анализе // Социология. 2012. 2. С.122-129.
8. Русская диаспора за рубежом и эмигрантская поэзия. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2010/2/d22.html>. (Дата обращения: 24.05.2022).
9. Русский Монпарнас: Парижская проза 1920-1930-х годов в контексте транснационального модернизма. Москва : НЛО, 2017. 328 с.

10. Толкачев С. П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. №1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/. (Дата обращения: 24.05.2022).
11. Тощенко Ж. Т. Диаспора как объект социологического исследования / Ж. Т. Тощенко, Т. И. Чаптыкова // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33-42.
12. Фадеичева М. А. Диаспора и состояние этнического индивида / М. А. Фадеичева // Диаспоры. 2004. №2. С. 140-154.
13. Фесенко А. Русский язык при Советах / Андрей и Татьяна Фесенко. Нью-Йорк, 1955. 222 с.
14. [Филипенко С.] Саша Филипенко: «В России я не русский писатель, в Беларуси не белорусский». [2018] / Саша Филипенко. URL: <http://bolshoi.by/persona/sasha-filipenko-2/>. (Дата обращения: 24.05.2022).
15. Чупринин С. И. Русская литература сегодня: Зарубежье / Сергей Иванович Чупринин. Москва : Время, 2008. 784 с.
16. Эмигрантские мотивы в мировой поэзии. Второй Всемирный поэтический фестиваль «Эмигрантская лира» (Брюссель, 8-10 окт. 2010 г.). URL: <http://www.russianwashingtonbaltimore.com/ru/article/11-11-2010/emigrantskie-motivy-v-mirovoy-poezii-vtoroy-vsemirnyu-poeticheskiy-festival/> (Дата обращения: 24.05.2022).
17. Bromley R. Narratives for a New Belonging: Diasporic Cultural Fictions (Tendencies Identities Texts Cultures EUP) / Roger Bromley. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. 380 p.
18. Horner B. Language Difference in Writing: Toward a Translingual Approach // College English. Vol.73. No 3, January 2011. P. 150–169.

Reference list

1. Vek diaspor. Traektorii zarubezhnoj russkoj literatury (1920–2020) = The age of diaspora. Ways of Russian literature abroad (1920-2020). Sbornik statej. Moskva : NLO, 2021. 336 s.
2. Diaspora = Diaspora // Sociologicheskij slovar'. URL: <https://gufo.me/dict/social/%D0%94%D0%98%D0%90%D0%A1%D0%9F%D0%9E%D0%A0%D0%90>. (Data obrashhenija: 24.05.2022).
3. Ermolin E. V teni Nabokova. Besposhhadnoe otchajanie = In Nabokov's shadow. Merciless despair / Evgenij Ermolin // Novyj mir. 2005. №10. S. 166-174.
4. Ermolin E. A. Sovremennij krosskul'turnyj pisatel'skij opyt v kontekste globalizacii = Contemporary cross-cultural writers' experience in the context of globalization // Problema izgnaniya: russkij i amerikanskij konteksty. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. S. 94-99.

5. Zhenis N. Transkul'turnyj podhod v ramkah izuchenija nacional'noj literatury = Transcultural approach in the study of national literature // Vestnik KazNU. Filologija. 2018 / N. Zhenis, Zh.K. Kiynova. URL: <https://articlekz.com/article/23746>. (Data obrashhenija: 24.05.2022).
6. Kim A.S. Jetnomarginal'nost' diaspor: sociologicheskie i kul'turologicheskie osnovanija politicheskogo issledovanija = Ethnic marginality of Diasporas: sociological and culturological foundations for political research // Vestnik TOGU. 2008. №3. S. 151-162.
7. Rasol'ko I. D. Perspektivy primeneniya ponjatij «diaspora» i «diasporal'nost'» v sociologicheskom analize = Prospects of applying the concepts of “diaspora” and “diasporality” in sociological analysis // Sociologija. 2012. 2. S. 122-129.
8. Russkaja diaspora za rubezhom i jemigrantskaja poezija = Russian diaspora abroad and emigrant poetry. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2010/2/d22.html>. (Data obrashhenija: 24.05.2022).
9. Russkij Monparnas: Parizhskaja proza 1920-1930-h godov v kontekste transnacional'nogo modernizma.= Russian Montparnasse: 1920s-1930s Parisian prose in the context of transnational modernism. Moskva : NLO, 2017. 328 s.
10. Tolkachev S. P. Mul'tikul'turalizm v postkolonial'nom prostranstve i krosskul'turnaja anglijskaja literatura = Multiculturalism in the postcolonial space and cross-cultural English literature // Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Ponimanie. Umenie». 2013. №1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/. (Data obrashhenija: 24.05.2022).
11. Toshhenko Zh. T. Diaspora kak ob#ekt sociologicheskogo issledovanija = The diaspora as an object of sociological research / Zh.T. Toshhenko, T.I. Chaptykova // Sociologicheskie issledovanija. 1996. № 12. S. 33-42.
12. Fadeicheva M. A. Diaspora i sostojanie jetnicheskogo individa = The diaspora and the state of the ethnic individual // Diaspory. 2004. №2. S. 140-154.
13. Fesenko A. Russkij jazyk pri Sovetah = The Russian language under the Soviets / Andrej i Tat'jana Fesenko. N'ju-Jork, 1955. 222 s.
14. [Filipenko S.] Sasha Filipenko: “V Rossii ja ne russkij pisatel', v Belarusi ne belorusskij” = Sasha Filipenko: “In Russia I am not a Russian writer, in Belarus I am not a Belarusian one” [2018] / Sasha Filipenko. URL: <http://bolshoi.by/persona/sasha-filipenko-2/>. (Data obrashhenija: 24.05.2022).
15. Chuprinin S. I. Russkaja literatura segodnja: Zarubezh'e = Russian literature today: Foreign countries / Sergej Ivanovich Chuprinin. Moskva : Vremja, 2008. 784 s.
16. Jemigrantskie motivy v mirovoj poezii. Vtoroj Vsemirnyj poeticheskij festival' “Jemigrantskaja lira” (Brjussel', 8-10 okt. 2010 g.). = Emigrant motifs in world poetry. The Second World Poetry Festival “Emigrant Lyre” (Brussels, October 8-10, 2010). URL: <http://www.russianwashingtonbaltimore.com/ru/article/11-11-2010/emigrantskie-motivy-v-mirovoy-poezii-vtoroy-vsemirnyy-poeticheskij-festival>. (Data obrashhenija: 24.05.2022).

17. Bromley R. Narratives for a New Belonging: Diasporic Cultural Fictions (Tendencies Identities Texts Cultures EUP) / Roger Bromley. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. 380 p.

18. Horner B. Language Difference in Writing: Toward a Translingual Approach // College English. Vol.73. No 3, January 2011. P. 150–169.

Статья поступила в редакцию 11.03.2022; одобрена после рецензирования 24.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted on 11.03.2022; approved after reviewing 24.04.2022; accepted for publication on 05.05.2022